

Независимая газета, - 1998, - 17 апр. - с. 13

СТОЛИЧНЫЙ ДАНИЛА-МАСТЕР

Московский специалист возрождает технику флорентийской мозаики

Александр Локтев

В РЯД ЛИ кто-либо из москвичей не был хоть раз в вестибюле станции метро «Чеховская». Уверен, что многие обратили внимание на удивительное изящество и вкус, проявленные при оформлении этой станции. Не в меньшей степени я также уверен и в том, что практически никто не знает имени «виновника» этой красоты. Так уж повелось, что мы почти не знаем фамилий творцов уникальных мостов, зданий и многих других сооружений. По существу, одна только Шуховская башня на Шаболовке тому исключение, да и то благодаря своему названию.

С Владимиром Николаевичем Андриановым мы познакомились случайно, но не случайно тогда же договорились о встрече на его рабочем месте: мое внимание сразу же привлекли его живые глаза, глаза человека неумного, внимательные глаза человека творческого. И я действительно не ошибся, ибо познакомился с уникальным мастером. И вот мы беседуем в его мастерской в подмосковном Королеве.

...Владимир Николаевич родился в Москве в 1946 году. Мальчишкой бегал в рядом расположенный кино-театр, зрительный зал которого был перегороден металлической сеткой: по другую сторону сетки эти же кинофильмы одновременно смотрели уголовники Таганской тюрьмы. В порядке подготовки Москвы к Международному фестивалю молодежи и студентов (в 1957 году) тюрьму решили сломать. И мальчишки соседних дворов по собственной инициативе ходили помогать это делать. Там Володя Андрианов ненароком познакомился с уголовным фольклором, которым были испещрены стены камер. А еще хорошо помнит Володя, как в течение целого месяца американские студбекеры (грузовики, поставившиеся в СССР из США по ленд-лизу) выезжали из тюрьмы, доверху груженные документами: вывозили архив Таганской тюрьмы.

Окончив восемь классов и не найдя удовлетворения в учебе, он бросил школу и в 16 лет пошел трудиться, хотя семья была обеспеченной. Вполне возможно, что знакомство с фольклором заключенных Таганской тюрьмы настроило пытливого парня на критический лад, причем настолько, что сын разошелся с отцом по политическим мотивам и назвал Сталина узурпатором. Из дома пришлось уйти.

16-летний Володя устроился в Университете имени Патриса Лумумбы, где начал трудиться чернорабочим в механических мастерских по обучению студентов. Здесь он проработал два года, окончил школу рабочей молодежи, получил аттестат зрелости и запись в трудовой книжке — «чернорабочий высшего разряда».

Это были годы, как показало время, точно названные Ильей Эренбургом «оттепелью». «Мы были странные ребята, — рассказывает Владимир Николаевич, — увлекались джазом, рисовали, нам было интересно друг с другом». Но «квалификация» чернорабочего, хотя и «высшего разряда», Володю удовлетворить не могла. Он становится на рабочую стезю — поступает станочником в Востряковский домостроительный комбинат, где осваивает сразу три специальности — токаря, фрезеровщика, сварщика. Но душа просила чего-то другого и большего.

В результате он оказался в проектно-институте «Гипротеатр» — учреждении по проектированию театров, единственной в своем роде организации с уникальными специалистами. Начав с копировщика чертежей, он через некоторое время выполнял работу конструктора, а затем дорос и до инженера. Здесь же познакомился с консерваторией, театрами Москвы, со многими интересными людьми, что способствовало формированию его как личности.

Следующая ступень на пути исканий себя — Центральный научно-исследовательский институт зрелищных зданий и спортивных сооружений. Учреждение, родственное «Гипротеатру», но с большим числом решаемых задач и соответственно со специалистами более широкого охвата. Здесь Владимир Николаевич впервые «вылезает в начальники»: ему поручено руководить группой из пятнадцати инженеров. Много работы, разнообразные заказы по всей стране, в том числе и уникальные: для Останкинской телебашни, для госдачи Брежнева в Крыму, куда Владимир Николаевич неоднократно ездил с авторским надзором, для мавзолея Хо Ши Мина в Ханое и другие.

Однако с появлением крупных проектов возникли сложности: надо было становиться гипом (главным инженером проекта), но по тогдашним неписаным правилам прежде следовало стать членом партии, а это в планы Владимира Николаевича совсем не входило. Но не зря же говорят: все, что ни делается, — к лучшему. Видимо, возникшее препятствие было задумано провидением для того, чтобы повести Владимира Николаевича к тому, в чем он действительно реализовал свое «я».

Владимир Николаевич переходит работать в комбинат монументально-декоративного искусства. Но прежде чем это сделать, он знакомится с мастерскими комбината. Почувствовал интерес и оказался в мастерской флорентийской мозаики. Здесь он «бросает якорь» надолго: двадцать лет работает резчиком

по камню, постоянно совершенствуя свое мастерство, выполняя самые интересные заказы Метростроя, Министерства обороны: станции метро «Марксистская», «Нагатинская», «Чеховская», «Тимирязевская», гостиница ЦК (те-

— Культурный центр в Олимпийской деревне у станции метро «Юго-Западная» (панно в 200 кв. м), Дворец науки и культуры в Варшаве, станция метро «Московская» в Праге, Орденский зал в Министерстве обороны на Арбате (здесь Владимир Николаевич выполнил собственноручно четыре ордена).

В разговор вступает Лидия Сергеевна Наумова — жена Владимира Николаевича. Оказывается, с музеем Хо Ши Мина в Ханое у нее и Владимира Николаевича связана романтическая история. Лидия Сергеевна, историк по образованию, поехала в Ханой в качестве куратора-экспозиционера музея, а Владимир Николаевич — там же делать мраморные полы. Музей был своеобразно сдан, а Лидия Сергеевна, уехав в Ханой незамужним историком, вернулась в Москву замужней... резчицей по камню. И с тех пор с работами по камню уже не расстается: обратил ее «в свою веру» Владимир Николаевич!

Шли годы. Объявленная партией без четкого плана перестройка быстро перешла в «катастрофу». Заказы стали исчезать, администрация перессорилась. И Владимир Николаевич, ставший на комбинате специалистом высочайшего класса, нашедший здесь свое призвание, покидает альма-матер. Полтора года он вместе с Лидией Сергеевной пытается поставить собственное дело: для человека творческого так важно, чтобы никто над ним не висел. Но «правила игры» меняются чуть ли не каждый день, а госчиновники — похуже рэкетиров. Ситуация такая, что и спиться недолго! Но преданность своему делу не дает опуститься в омут.

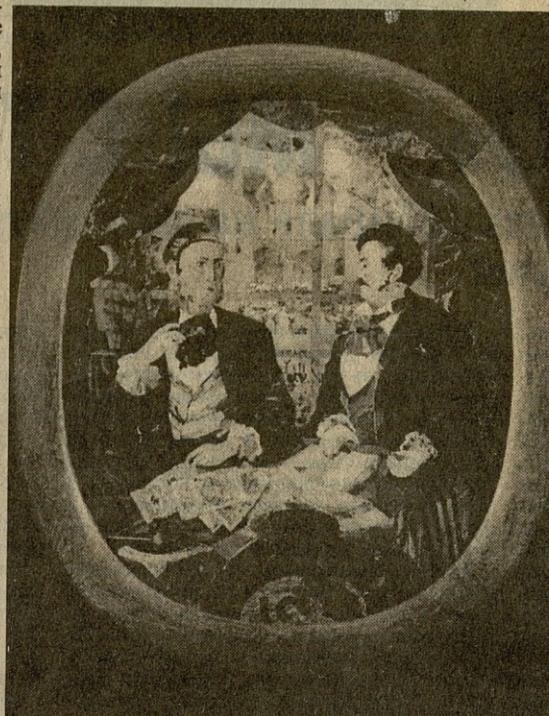
В результате неоднократных попыток Владимир Николаевич становится одним из учредителей ТОО «Совик» и его же главным художником. Фирма получает серьезные заказы, в том числе портреты пяти российских экономистов-реформаторов: Шувалова, Канкрин, Витте, Столыпина, Сокольников. Многолетний творческий труд приводит Владимира Николаевича к убеждению, что мозаика не облицовка стен чем-то аляповатым, а сложная художественная техника, созвучная живописному полотну. Его мечта — возродить русскую мозаичную школу, центром которой до революции были Екатеринбургская гранитная фабрика, Кольванский завод по обработке камня (уникальные гигантские вазы из яшмы, одна из них экспонируется в Эрмитаже; колонны), Петергоф. Увы, материальных носителей этой школы почти не осталось, и Лидия Сергеевна, вспомнив свою профессию историка, упорно работает в архивах.

А еще подумывает Владимир Николаевич о возрождении московской школы изготовления иконы из камня в технике флорентийской мозаики (конец XIX века), традиции которой ныне утеряны. Все это он надеется осуществить, работая теперь в недавно созданном Фонде социальной защиты ветеранов города Королева «Корвет». Председатель совета директоров Ассоциации малых товаропроизводителей «Каброс». А В. Богданов (по чьей инициативе «Каброс» безвозмездно передал в собственность «Корвету» часть своего имущества и персонала) заинтересовался работами художника и уже оказывает ему посильную помощь в приобретении необходимых материалов и инструмента.

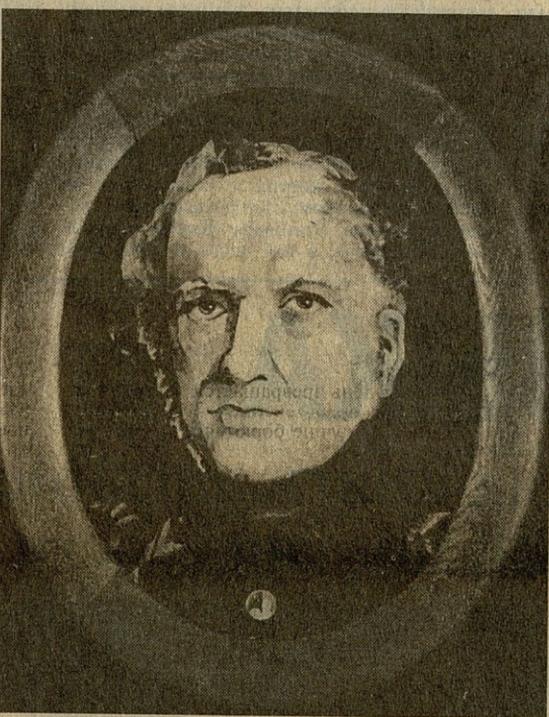
Философское осмысление творчества старых мастеров, по образному выражению Владимира Николаевича, «приоткрывает дверь, хочется распахнуть ее и войти в этот мир, мир общечеловеческих ценностей!»

А камень — «этот коварный и благородный материал» зовет его все дальше и дальше!

В заключение нашей беседы Владимир Николаевич попросил особо отметить тех мастеров, благодаря которым он состоялся как резчик по камню и как художник. Охотно выполняя его просьбу. Это и Борис Алексеевич Луковцев и Николай Иванович Морозов — «резчики по камню от Бога, которые могли делать все», и Евгений Ефремович Рейхцаум — художник, вложивший много души в своего ученика Владимира. Увы, все они уже ушли из жизни. Но мастерство их живет!

Жанровая картина «Договор». Флорентийская мозаика.

Портрет Е.Ф. Канкрин (1774-1845). Флорентийская мозаика.

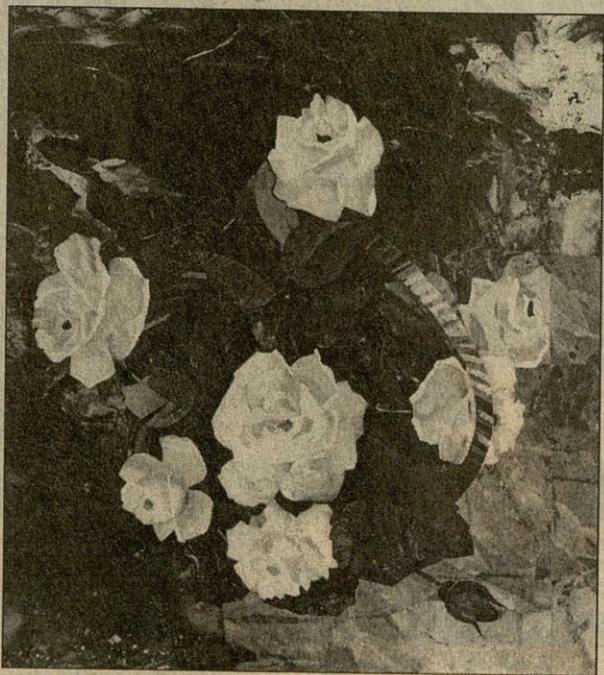
Настольная лампа, стоящая сегодня в кабинете президента РФ.

перь «Президент-отель») и другие.

В «Президент-отеле» Владимир Николаевич выполнил два огромных мозаичных пола в Зимнем саду (по 250 кв. м каждый) и знаки Зодиака (около 300 кв. м). Будучи и исполнителем, и художником, он делал, конечно же, все это не один. Владимир Николаевич просил обязательно назвать в статье имена уважаемых и высоко ценимых им супругов Шорчевых Петра и Людмилу, профессора Строгановского училища, заслуженного художника СССР Владимира Замкова, Василия Бубнова, Юрия Мерперта.

На работу в «Президент-отеле» ушло полтора года! «Зато пожил, наконец, ТАМ!» — комментирую я рассказ Владимира Николаевича. «Какое там!» — отвечает он. — «Жил рядом, в бытовках!»

Другие крупные работы

Декоративное панно «Розы». Флорентийская мозаика.